

18+

Владимир Пруцков

ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬЕ...

Армейские рассказы

Владимир Пруцков

Тяжело в ученье...
Армейские рассказы

«Издательские решения»

Пруцков В.

Тяжело в ученье... Армейские рассказы / В. Пруцков —
«Издательские решения»,

В следующем году мне исполнится 80 лет. В прошлом году, по просьбе внучки Александры, написал несколько рассказов из моего детства. Рассказы понравились, и не только внучка, но и все, кто их прочёл, советовали продолжать писать. Что я и сделал. Стал писать на разные темы, все герои, моих книг реальные люди и события, которые я, благодаря своей памяти, описываю, происходили в их жизни. Эта книжка пятая. Я думаю, прочтя её, вы оцените лёгкость чтения, и Вам захочется прочитать все мои книжицы.

Содержание

Эпиграф	6
Учебная рота, начало	7
Учёба и зачёты учебной роты	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Тяжело в ученье... Армейские рассказы

Владимир Пруцков

© Владимир Пруцков, 2026

ISBN 978-5-0070-7090-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф

Когда я отослал первые, написанные мной рассказы нашего с братом Анатолием детства, он, прочтя их, сказал: нормально. Это на его разговорном жанре-восторг. Я написал Анатолий, но я никогда его так не называю, он младше меня на два года, и все в нашей семье звали его Толик. Я очень люблю его, и хочу познакомить Вас с ним. Родился Толик, как и я, в счастливой семье офицера Красной армии, после Великой Отечественной войны. История знакомства мамы, Александры, и папы Ивана, произошла на танцах, эта встреча была случайной, и очень необычной, я отдельным рассказом расскажу о ней позже. Вскоре после их знакомства, папа ушёл в 1939 году в армию, а в 1941 началась война. Мама семь долгих лет ждала папу, и после Победы, они наконец встретились. Они прожили долгую, счастливую жизнь в начале которой, родились мы с Теликом. После моего рождения, мама хотела родить дочку, а папа хотел только сына. У мамы даже было готово имя будущей дочки, Сталина. Но родился сын, Толик. Когда он был совсем маленьким, личико его было таким миловидным, что внешне он был похож на девочку. Мама иногда так и звала его, Сталина, и повязывала ему на голову белый платочек, у нас сохранилась Толина фотография, в этом платочке. Мама, с первых дней жизни Толика, приучала меня к заботливому отношению к нему, и это отношение впоследствии, переродилось в братскую любовь, которой, я очень дорожу. Папа, учил меня, что Толик мой младший брат, и я как старший должен быть в ответе, за него. То есть, не только следить за ним, но и защищать, если это необходимо. А при защите, надо было обидчику показать, что у Толика, есть старший брат, его защитник, чтобы тому никогда не захотелось ещё раз обидеть Толика. Толик, быстро усвоил, что его жалеют и часто, отказывался выполнять наши с ним домашние обязанности. Когда я жаловался на Толика маме, она постоянно мне говорила: когда Толик будет таким как ты, тогда и он будет выполнять что делаешь сейчас ты. Я успокаивался, и просто ждал, когда Толик вырастет таким как я, а Толик чётко понимал, что я всегда буду старше него на два года, и никогда не буду вровень с ним, и этим пользовался. А я жил надеждой. Однажды, Толик нечаянно упал во дворе, и порезал себе большой палец со стороны ладони. У нас в то время вода была, только в колонке во дворе, и мы, должны были каждый день приносить домой два ведра воды. Когда Толик порезал палец, он перестал носить воду, а когда рана зажила, палец этот, не сгибался в середине, как обычно. Это было поводом для него не носить воду. Я прекрасно понимал, что этот палец не участвует в переносе ведра, но мне просто было его жаль, и я носил воду сам. Так и было в нашем детстве, всю сложную работу, поручали выполнять мне, а Толик с удовольствием наблюдал как я тружусь. Моя опека Толика, и любовь к нему привели к тому, что, когда настало время ему идти в армию, я бросил институт, в котором учился на втором курсе, пришёл в военкомат и сказал, что я поеду в армию вместе с Толиком. Папа, одобрил моё решение, так же как, отказ учиться в военном училище, куда я сдал экзамен, но отказался учиться там. Он прекрасно знал, что за служба в армии солдат, и офицеров, понимал, что среди солдат была дедовщина. Это неуставное верховенство солдат последнего года службы, над всеми остальными. Порой это приводило к издевательствам, над некоторыми солдатами. Командиры в то время, как и сейчас были против дедовщины, но они не могли круглосуточно наблюдать за соблюдением дисциплины, и так называемые деды, этим пользовались. Папа сказал мне, что я обязан буду, следить, чтобы никто не обижал Толика. Толик, конечно, мог постоять за себя сам, но я прекрасно знал, что, если в армии деды поймут, что я его защитник, они никогда не будут применять к Толику физической силы. А ещё, папа напутствовал меня, что мне надо сразу показать свое превосходство не только моральное, но и физическое над этими самыми дедами, которые уважают смелых, сильных и выносливых. Мама, конечно, плакала, и просила беречь себя. С этими напутствиями мы и приехали в воинскую часть в город Ярославль 15 мая 1968 года, а ночью, на удивление всем, выпал снег.

Учебная рота, начало

Первое, что с нами сделали, так это постригли. После стрижки, она, у всех стала одинаковой, наголо, кое-кто попросил оставить немного волос на голове, ему обещали сделать стрижку «Полубокс», но после окончания стрижки, извинялись, что получилась не очень аккуратно, поэтому исправить брак, можно было только так. После стрижки, мы сняли с себя остатки гражданской одежды, взяли тапки, мочалки, мыло, и гуськом (друг за другом) пошли в помывочное отделение, то есть в баню. В бане ничего примечательного не происходило, поэтому я не стану описывать как мы мылись. После помывки, это я уже перешёл на армейский жаргон, старшина, выдал нам вначале, нижнее бельё. Это белые кальсоны, и длинные нательные рубахи, также белого цвета. Старшина, выдавал комплекты нательного белья, не смотря на их размер, сразу предупредил если кому-то не подходит полученный комплект, меняйтесь между собой. Что мы и делали, правда это создало суматоху, но это, никого не беспокоило. В следующем окошке, нам выдали верхнюю одежду, с которой, неразбериха, повторилась вновь. Комплект состоял, из брюк галифе, гимнастёрки, ремня поясного и пилотки. Обувь, портянки и сапоги. С портянками, сапоги на гражданке никто не носил, поэтому сержант показал, как правильно наматывать их на ноги. Не у всех получилось правильно, намотать портянку на ногу. К тому же способ наматывания портянки на разные ноги, был разным. В конце концов, все обулись и вдруг обнаружили, что не узнают друг друга, из-за одинакового вида формы, и вышли на построение. Начались первые занятия марширования, которые назывались строевые занятия. Оказалось, что не все могут ориентироваться, где правая рука, а где левая. Сержант, проводивший первое занятие, рассказал, что в царскую армию, забирали в основном крестьян, которые не знали, что такое правая, или левая рука. Но все они знали, что есть сено, и солома, которые отличаются по виду. Поэтому к левой руке солдата привязывали сено, правой солому, и в начале команды подавали не налево, а сено, не направо, а солома. Конечно было трудно научить некоторых ребят, правильно ходить, и по армейской поговорке, не можешь научим, не хочешь заставим, все постепенно, научились искусству маршировки. В начале службы в армии, строевым занятиям, уделялось больше всего времени. Однажды, нас выстроили на плацу (место, где проводятся строевые занятия), к строю подходит лейтенант, и задаёт вопрос: кто может красить полы. Все молчат. Тогда он, обратился с этим вопросом к солдату, стоящему против него. Этим солдатом оказался мой брат, Толик. Он сказал, что когда-то дома красил полы. Лейтенант сказал ему, чтобы взял себе помощника. Толик указал на рядом с собой стоящего солдата. Им оказался среднего роста симпатичный парень, таджик. Их привезли на дачу к генералу и за день они выкрасили все полы. На следующий день, Толика, вместе с его помощником таджиком, снова привезли на дачу, где генерал вместе со своей молодой дочерью поблагодарили их за отлично выполненную работу. Прежде чем рассказать кульминацию этой истории, надо сказать, что этот таджик, плохо знал русский язык. Солдаты, естественно, учили его разговорному русскому языку, в котором присутствовали слова паразиты, и иногда нецензурные слова. Можете себе представить лексику этого парня. Девушка, захотела отблагодарить за работу. Она подошла к таджику, сказала ему спасибо и спросила, как ему служится. Он понял, что ему надо ответить ей, и сделал это русским нецензурным словом. Он сказал «зашибись». Толик сразу объяснил ей, что он не владеет русским языком, а только учится, и ребята иногда специально говорят ему слова, из разговорного жаргона, на котором не всегда можно разговаривать девушкам. Все конечно рассмеялись, и напряжение было снято. Через несколько дней, нас распределили по разным воинским частям, и мы разъехались. На поезде приехали в город Череповец, а зачем на машинах нас привезли в военный городок, недалеко от деревни Енюково, где и разместили в старой, одноэтажной казарме. Каждому выделили кровать и тумбочку, одну на двоих, а кровати все были двухъярусными. По ярусам, распределяли в зави-

симости от роста. Высокие, на первом ярусе, низкие на втором. Мне, как обладателю роста выше среднего, досталась кровать в первом, нижнем ярусе. Был уже вечер, нас отвели в столовую, мы поужинали и пришли в казарму. Старший сержант, который у нас был командиром, сказал, что у нас сейчас свободное время, но это не значит, что мы можем делать что захотим, и ходить куда захотим. Из казармы категорически выходить было нельзя. Перед отбоем каждый, должен привести в порядок свою форму и обувь. А это значит, подшить белые подворотнички, начистить асидолом пуговицы до блеска, вымыть, натереть кремом и начистить также, до блеска сапоги. И только после этого идти в туалет, чистить зубы, умываться и готовиться ко сну. Очень важно было во время умывания, хорошо вымыть шею, иначе подворотничок испачкается к обеду, и придётся его менять. Если оставалось время, можно было написать письмо, почитать устав военнообязанного и приготовиться ко сну. Ложиться спать, можно было, только по команде дежурного по роте, «отбой». В первые дни, наш командир, для тренировки, несколько раз повторял команду отбой и подъём. Если команда отбой была вольной, то подъём каждый солдат должен был выполнить в течение 45 секунд. За это время, он должен встать с кровати, одеться по форме, и встать в строй. Если кто-то не успевал, всё повторялось. Кроме того, сержант, мог заставить кого угодно, подтягиваться на турнике, который был в помещении казармы, или отжиматься от пола. Ещё, надо сказать, что летом, в той местности, были белые ночи. То есть до 9 вечера темнело, но так, что можно было ходить без фонаря, а затем, начинало светлеть. К 11 ночи, было уже светло, как в пасмурный день. Подъём всегда был в 6 часов утра. 30 минут отводилось на туалет и зарядку, затем свободное время, и в 7—00 завтрак. В столовую шли строем, после завтрака, строем, шли на занятия к 8—00. Так начались будни учебной роты, которые длились два месяца...

Учёба и зачёты учебной роты

Учёба началась, больше всего времени мы проводили на плацу, за строевыми занятиями. Представьте себе ежедневные маршировки. Это не просто прогулки, а обучение движениям, как на месте, так и в движении. Во-первых, во время движения, нога, должна подниматься на определённую высоту, носок сапога должен быть вытянутым, а не согнутым, как буква Г. Поначалу, это было, невыносимое напряжение. За первые полчаса, ноги немеют, переносить такое напряжение не вмогуту. Со стороны это очень хорошо видно, и сержант, проводящий занятия, разрешает 5 минут отдохнуть. Отдых, это стояние в строе, по команде вольно, при которой, ты можешь только переминаться с ноги на ногу. После такого отдыха, просто снимается напряжение с ног, и следующие 30 минут, опять те же мучения. Сержант прекрасно это видит, и знает, что в таком состоянии долго находиться никто не может, он опять объявляет пятиминутный отдых, а после отдыха проводит индивидуальные занятия, во время которых можно отдохнуть и восстановиться. Последние 30 минут, обычно проходит маршировка, не парадным шагом, а маршевым, обычным ритмичным шагом, что намного легче. Обычно, после строевых занятий, проходят занятия в классах, где изучают устав, полит подготовку, материальную часть, и другие многочисленные занятия. Вечером, перед отбоем, проводится марш-бросок, это бег трусцой, на три или 5 км. Днём, иногда тоже проводят марш-бросок, но в полном обмундировании, а иногда и в противогазах. Это очень трудно, мало того, что порой сил не хватает, да ещё дыхание очень затруднено. Таким образом учебная рота, это время мобилизации, как физических сил солдат, так и моральных. Обучение, как говорится в уставе, умение переносить все тяготы и лишения воинской службы. Для того чтобы заставить или обучить всех до единого солдата, применяется такой метод коллективного воздействия, как отражение результатов по последнему. Если рота не выполняет нормативных показателей вступают в силу коллективные наказания, дополнительные тренировки. Таким образом все начинают требовать от отстающих, научиться мобилизовать свои внутренние резервы организма. И это помогает. Наряду с коллективными методами воздействия, применяют индивидуальные. Один из методов такого воздействия, назначение нарядов вне очереди. Существует график, по которому каждый из солдат, должен выполнять хозяйственные работы. А если он нарушил дисциплину, и получил дисциплинарное взыскание, он дополнительно, принуждается к выполнению хозяйственных работ. Это могут быть работы по мытью туалетов, кухонные работы, работа, связанная с наружной уборкой, и многие другие. Одновременное наказание назначается в зависимости от тяжести проступка, от 1 до 3 нарядов вне очереди. Скажу прямо, очень не многим солдатам удается получить минимум нарядов. Даже если у солдата отличная дисциплина, сержант всегда найдёт причину назначить наряд вне очереди только для того, чтобы он знал, что происходит тогда, когда нарушаешь дисциплину. Для меня, было приемлемо, выполнение наряда вне очереди, на кухне, в обеденном зале. Обязанность дежурного, была в подготовке зала к принятию пищи. Это значит полы должны быть чистыми, столы подоконники скамейки должны быть вымыты, расставлены по своим местам и на столах должны стоять или лежать необходимые приборы на 10 человек. Эту работу, обычно выполняет один человек, три раза в течение дня. Если эту работу делать очень тщательно, то будешь занят весь день. А если делать это быстро, у тебя остается время ещё и отдохнуть. В такое время можно выйти на улицу, посидеть на травке, сходить в офицерский буфет, если есть деньги, или просто посидеть в зале на скамейке. Я, всегда делал работу очень быстро, и нареканий в мой адрес никогда не было, но однажды, произошёл такой случай. Обычно, обеды, проходят организованно, ротами. Дежурный по обеденному залу, готовит столы к приёму пищи следующей роты. В тот день дежурным был я, и готовил столы для следующей смены. В столовую зашли несколько солдат старослужащих. Я готовил очередной стол. Один из дедов, крикнул мне: эй, салага, вытри стол. На что я сказал, что сде-

лаю это, как закончу с начатым столом. Они возмутились, но заставить меня не могли, так как пришли на обед не организованно. Они пообедали, и ушли. Через пару минут, ко мне подошёл знакомый, и сказал, что эти деды просят подойти к ним. Я закончил свою работу, и вышел. Они стояли и курили. Один из них обратился ко мне, и сказал: зимой, выпадает много снега и образуются огромные сугробы. И таких, как ты с разбега втыкают головой в сугроб. На это, я ответил, что ещё не зима, а зимой, он сам может угодить в этот сугроб. На что они сказали, что летом у них на непокорных есть другие меры воспитания. Я это понял, но не испугался. Во-первых, они были моими одноклассниками, во-вторых, я решил бить первым, что их отрезвит. Они двинулись на меня, я, сделал шаг назад, заученным резким движением снял ремень со стальной пряжкой на конце. Они не ожидали такого сопротивления, а вернее, поняли, что одному из них придётся обращаться к медикам, а это значит, будет расследование, и виновные будут строго наказаны. Они остановились, заматерились и ушли. Об этом случае, конечно, узнали в роте, и больше никто не решался драться со мной. Но я, вынужден был ещё раз применить силу к обидчику. Когда закончилась учебная рота, мы с Толиком оказались в разных ротах, и жили на разных этажах казармы. По утрам, как обычно все убегали на пробежку. Я, как классный спортсмен, делал индивидуальную зарядку. Когда рота Толика, возвращалась с зарядки, один из солдат их роты, сказал, что моего брата Толика, один из старослужащих утром ударил. Я, поднялся к Толику. Все заправляли постели. Я спросил Толика, кто? Он кивнул на младшего сержанта, я подошёл к нему, и спросил его: за что? Он ответил: чтобы не повадно было, и уважал стариков. Больше он ничего сказать не успел, потому что, получил несколько сильных ударов, упал на кровать, вскочил, и стал убегать от меня. Я гонял его по всей казарме. Надо сказать, что это происходило на виду у всех, кто был в то время в казарме, но об этом случае он не сказал никому из командиров, побоялся получить серьёзное наказание, за избиение подчинённого. Больше, до окончания службы, Толика никто не трогал. Через два месяца, учебная рота закончилась, нам выдали новую парадную форму, хорошие, новые сапоги. Это всё делалось для принятия каждым солдатом, торжественной присяги. Получилась одна неприятность, на складе каптёрки, так называемого помещения для хранения обмундирования, не оказалось сапог моего 44 го размера, и я во время присяги был в парадной форме, и рваных сапогах. Присягу принимали в торжественной обстановке. Каждый солдат, с карабином, строевым шагом выходил из строя, брал лист с текстом присяги, разворачивался лицом к строю, и читал громким голосом: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь... текст присяги, каждый, знал наизусть, а лист был для вида, как бы читаешь. После окончания, принимающий присягу, разворачивается к столу, кладёт текст присяги, на стол, строевым шагом подходит к знамени части, становится на левое колено, целует знамя и возвращается в строй. Так продолжается, пока каждый из солдат не пройдёт через этот ритуал. Затем командир части, подполковник Рихтер поздравил всех с торжеством принятия присяги, при этом напомнил, что впредь, нарушение её будет караться по всей строгости... после окончания, мы направились в столовую, где нас ждал праздничный обед, в состав которого, входила сладкая булочка, и двойная порция сливочного масла. Остаток дня, был для нас свободным. А на следующий день, на общем построении, был зачитан приказ, о назначении солдат в состав рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.